

Сердце успокоилось на Квентине Тарантино

ОРТ раскладывает голливудский пасьянс «Miramax»

ЛАРИСА ЮСИПОВА

СЕГОДНЯ показом фильма Роберта Олтмена «Pret-a-porter» (в российском прокате «Готовое платье») ОРТ запускает мини-проект, который по аналогии с «золотой серией» хочется назвать «золотым пасьянсом». Во главе пирамиды самый, наверное, знаменитый фильм 90-х — обладатель золотой пальмовой ветви Канна, «Оскара» за сценарий, еще миллиона разных наград, в том числе и экзотической премии независимого духа — «Pulp Fiction» Квентина Тарантино («Криминальное чтиво», воскресенье, 22.00). В основе — картины Роберта Олтмена (четверг, 21.45) и Роберта Родригеса («От заката до рассвета» — «From Dusk till Dawn», пятница, 0.05).

У такого построения есть своя логика: три картины связаны между собой не только студией-производителем — знаменитой голливудской компанией «Miramax». Логика эта прихотлива — фильмы выстроены не по хронологии (тогда начать бы следовало с «Чтива») и не по старшинству (от юного Родригеса до почтенного Олтмена). Похоже, первый канал решил воспользоваться любимой формулой самого Тарантино — «сначала ответ, а вопрос потом». Фильмы Олтмена и Родригеса — это реплики, с большей или меньшей степенью внятности поданные на уже свершившееся событие: появление на свет «Бешеных псов» и «Криминального чтива».

Впрочем, между «Чтивом» и «От заката...» существует и формальная связь. Тарантино сыграл у своего приятеля Родригеса главную роль, а в основу фильма лег его сценарий, за который тогда еще неизвестный кинолюбитель получил свой первый аванс. Один из соавторов фильма — глава компании по производству спецэффектов KNB Роберт Курцман — вспоминает эту историю так: сценарий гангстерско-вампирского фильма пытался написать он сам и хотел дебютировать с этим фильмом как режиссер. Но к концу работы над текстом понял: необходимо найти человека, литературно более одаренного. Шел 1990-й. На студию принесли отпечатанные на машинке (компьютера у Тарантино нет до сих пор) сценарии «Настоящей любви» и «Прирожденных убийц»: Тарантино тогда занимался как раз тем, что рассылал свои сценарии по всем голливудским фирмам — с почтовой пометкой «оплата по получении». «Так! — подумал Курцман, — этот Q. T. умеет писать». Q. T. получил \$1 500 и засел за работу... Но запуститься с картиной тогда так и не удалось. Сценарий оставался бесхозным до тех пор, пока знаменитый уже Тарантино и начинающий входить в моду Родригес (автор «Эль Марьячес» и «Десперадо») не встретили на фестивале в Венеции будущих продюсеров фильма.

Тарантино утверждает, что начал сам снимать кино потому, что другие режиссеры не замечали его актерского дара

Сейчас, когда по Америке и Европе прокатилась волна отката всенародной любви к автору «Криминального чтива», среди прочих прегрешений ему вспоминают и закат с рассветом. Что несправедливо — «From Dusk till Dawn» очень милый фильм, просто это фильм Родригеса, а не Тарантино. Не столько пародия (коей прикидывается), сколько хорошее «би»-кино о битве вампиров с гангстерами и попавших в перерягу мирных людей. Забавное, изобретательное и одномерное — как бы ни намекали авторы на нечто большее, выстраивая в последних кадрах на месте ставшего полем сражения бара, аштекский храм, уходящий глубоко-глубоко под землю. Все это напоминает кино, которое снимали в Ленинграде

в конце восьмидесятых молодые режиссеры, называвшие себя «некрореалистами». Но в отличие от российского, новейший американский авангард сумел стать коммерческим.

Тарантино сумел и нечто большее. В простоте и прозрачности его картин, выросших из шельхи, отходов, второсортных американских и гонконгских боевиков, есть ощущение величия самых простых историй и понимание того, что даже в элементарных конструкциях все хитро между собой связано. «Я проглотил сценарий «Бешеных псов» и был поражен тем, как по-новому прозвучали в нем извечные темы товарищества, предательства, доверия и искупления, — вспоминал актер Харви Кейтель. Сам Тарантино никогда не любил высоких параллелей, но то, что его «макулатура» восходит к некоему архетипу почувствовать и критику, и зрители, даже те, кто не подозревал о существовании слова «архетип». Тарантино никогда не снимал ни чистых детективов, ни пародий на них. Он лишь находил истории, в которых жизнь не делилась на высокое и низкое. Кока-кола и гамбургеры, немотивированное насилие, дружба, предательство, честь, наркотики становились лишь поводом для метаморфоз, неожиданностей сюжета, намекающего на еще более важные обстоятельства. Присущее режиссеру чувство пропорции: что открыть, а что оставить в тени — дар, которым, возможно, в наибольшей степени и объясняется феномен Тарантино.

Именно этой способностью молодого коллеги завоужен ветеран Голливуда Роберт Олтмен, вот уже второй фильм подряд (за «Готовым платьем» последовал «Канзас-сити») ведущий с Тарантино хорошо различимый даже для публики диалог.

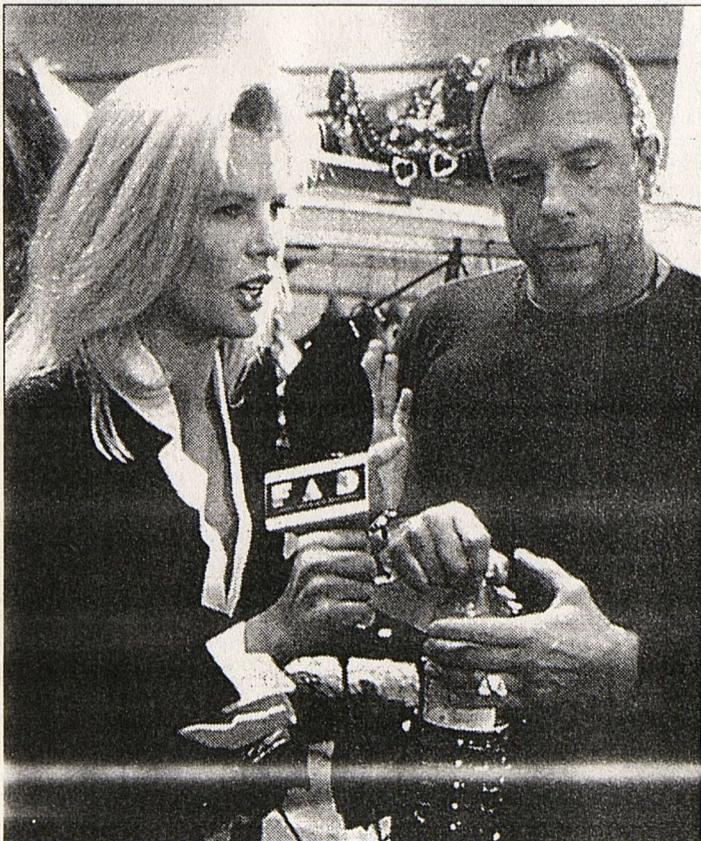
Олтмен снял фильм о мире моды — с его интригами, скандалами и изысканностью. Сам режиссер признается, что этот мир стал для него открытием: жена попросила ответить ее на один из показов недели pret-a-porter: «Мне тогда мода была до

лампочки. Но как только грянула музыка, я просто обалдел. У меня даже слезы на глаза навернулись. И я понял, что должен сделать об этом кино...» Олтмен переселился на время в Париж — собирать материал для будущей картины. Однако, несмотря на все его прилежание, после выхода картины знаменитые кутюрье обрушились на режиссера с градом упреков: в дилетантизме в первую очередь. Впрочем, цеховой снобизм — широко распространенная вещь. Возможно, что настоящим гангстерам столь же несуразными кажутся гангстеры Тарантино. Но не в гангстерах и кутюрье суть.

Pret-a-porter относится к высокой моде примерно так же, как pulp fiction к fiction — чтиво к литературе. Но в отличие от радикала Тарантино, старый и более консервативный Олтмен предпочел остаться в рамках традиционной культуры; выбрав периферийный, но волею новейших веяний перенесенный в центр внимания сюжет. Объявив «моду» метафорой культуры, превратившейся в балаган, точнее, множество балаганов, развернувшихся на территории современной ярмарки тщеславия.

И Тарантино и Олтмен сумели засечь тот момент, когда культура стала частью «Vanity Fair» — название знаменитого романа и популярного журнала недаром совпадают. Герои «Готового платья», упоенно создающие моду, на самом деле лишь зорко следят за тем, чтобы та не обошла их своим вниманием. Подобно им Тарантино оказался жертвой моды на собственное имя: замельтешил на экранах в фильмах своих друзей, с легкостью давая согласие на участие в проектах, за которые в конечном итоге не может полностью отвечать.

Но ОРТ сделало хитрый кульбит. Завершив цикл «Криминальным чтивом», возведенным в ранг живой киноклассики, российское телевидение ставит свой диагноз происходящему: главное уже совершилось. Детали же пусть любопытны, но большого значения не имеют.

В фильме Олтмена вымышленные и реальные персонажи сосуществуют на равных